

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1
(6)
ВЕСНА — ЛЕТО
2007

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Ю.А. Иоаннесян.* Послания монархам и правителям
и некоторые другие Послания Бахауллы 5
- Ю.В. Болтач.* Биография монаха Тань-ши в «Хэдон
косын чон» и «Лян гао сэн чжуань» 15
- Ч. Белл.* Правительство Тибета. Отчет.
Публ., введ. и пер. с англ. *Н.А. Вуля* 30

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Федорин.* Некоторые итоги изучения «Полного
собрания исторических записок Дайвьета» —
центрального памятника традиционной вьетнамской
историографии 67
- А.Г. Грушевой.* К истории изучения в России Талмуда
и периода его создания 87
- И.И. Надиров.* Рука и жест как божественный символ
и амулет (по эпиграфическим и нарративным источ-
никам Ближнего Востока) 100
- И.С. Гуревич.* Текст «Сань чао бэй мэн хуй бьянь»:
еще одна разновидность *юйлу* 108
- Е.В. Ревуненкова.* Малайская рукопись Крузенштерна
и ее культурно-историческое значение 118
- Ши Шу.* Несториане в Китае — врачи Чун И и Цинь
Мин-хэ 148
- С.В. Пахомов.* Тантра и веда 151

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2007

ИСТОРИОГРАФИЯ

- И.П. Глушкова.* Паломничество: за и против.
Голоса «святых поэтов» Махараштры 165
Э.Н. Тёмкин. Слово о Бхамахе 199

КОЛЛЕКЦИИ

- О.Ф. Акимушкин.* К истории формирования фонда мусульманских рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН 208
И.Ф. Попова. О первых поступлениях китайских книг в Российскую академию наук и их каталогизации в XVIII в. 230
И.Ш. Шифман. Основные этапы развития семитологии в России до 1917 г. Подготовка к изд., введ. и примеч. *А.Г. Грушевого* 246
Письма Ю.Н. Рериха В.Ф. Минорскому, 1943–1957 гг. Предисл., публ. и примеч. *А.И. Андреева* 266

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- На четвертой сторонке обложки: *А.А. Гурьева, И.М. Дьяков.* Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы 304
Персидская миниатюра «Шах Аббас II Сефевид на соколиной охоте» из собрания СПбФ ИВ РАН *С.В. Пахомов.* Третьи Торчиновские чтения 307

РЕЦЕНЗИИ

- Ырк битиг: Древнетюркская гадательная книга. Пер., предисл., примеч. и словарь В.М. Яковлева (*Л.Ю. Тугушева*) 309
Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии (Абхидхармакоша) (*М.И. Воробьева-Десятовская*) 311
Санкт-Петербург — Китай. Три века контактов (*Т.А. Пан*) 314

IN MEMORIAM

- Станислав Калужинский (1925–2007) (*Н.С. Яхонтова*) 317

Над номером работали:

Т.А. Анিকেева
О.Д. Деопик
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
В.И. Мартынюк
О.В. Волкова
М.К. Киселева
Л.В. Халатова
И.И. Чернышева
М.П. Горшенкова
А.В. Богатюк

© Российская академия наук, 2007
© Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения, 2007

yooq qobi (a)il(i)y qorq(i)nčing yooq učruylyu qutung yooq) в переводе автора представлен следующим образом: «Много конных — радости нет, мало конных — горя нет (страшного нет). Нет высшего счастья» (с. 130–131). Этот перевод в основных чертах совпадает с переводом С.Е. Малова². Но необходимо заметить, что форма и семантика этого пассажа вполне прозрачны; в нем представлена типовая синтаксическая конструкция, состоящая из сочетания имени в форме принадлежности с модальным словом *yoq* (*ögrünčüng yoq*), значение которой установлено и разногласий не вызывает: «у тебя нет радости» (букв.: твоей радости нет)³, словосочетание же *üküš atlïy* является определением к имени *ögrünč*. Соответственно, предложение *üküš atlïy ögrünčüng yoq* не может иметь иного значения, кроме: «у тебя нет радости от [обладания] множеством лошадей» (букв.: у тебя нет многолошадной радости), и весь пассаж в переводе может быть представлен следующим образом: «у тебя нет радости от множества лошадей, у тебя нет печали из-за мало[численности] лошадей, у тебя нет удачливости (т.е. счастливого удела, жизненной силы), которой ты позволил бы покинуть тебя (букв.: улететь)». К интерпретации многих разночтений в тексте еще предстоит вернуться.

В целом необходимо подчеркнуть, что В.М. Яковлевым выполнена необходимая и весьма своевременная, в некоторых отношениях итоговая работа, благодаря которой вновь привлечено внимание к вопросам изучения одного из уникальных письменных памятников, происходящих из Восточного Туркестана — региона, историко-культурное значение которого в формировании культуры как сопредельных, так и более отдаленных областей в настоящее время не подвергается сомнению.

Л.Ю. Тугушева

² «Если и есть владельцы многих лошадей — тебе радости (в этом) нет, если и есть владельцы малого количества лошадей, тебе опасения нет! У тебя нет высокого (?) счастья» (Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951. С. 88).

³ См.: Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.–Л., 1948. С. 59.

Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии (Абхидхармакоша) / Составление, перевод с санскрита, комментарий, исследование Е.П. Островской и В.И. Рудого. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. — 523 с.

Рецензируемая монография характеризует собой очередной и, на мой взгляд, весьма плодотворный этап возрождения в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН именно той проблематики, которая и принесла отечественной буддологической школе академика Ф.И. Щербатского мировую известность. Эта книга, как и ряд предшествующих монографических публикаций В.И. Рудого и Е.П. Островской, направлена на реализацию проекта изучения буддийской канонической философии на основе восьмитомного энциклопедического трактата «Абхидхармакоша», созданного классиком индийской религиозно-философской мысли Васубандху (IV–V вв.).

Чтобы по достоинству оценить не только результаты работы авторов монографии, но и степень приоритетности данного направления буддологических исследований, необходимо обратиться к истории вопроса. Замысел изучения «Абхидхармакоши» был окончательно сформулирован Ф.И. Щербатским в 1917 г., когда исключительная историко-культурная значимость этого фундаментального памятника была вполне осознана международным буддологическим сообществом.

Научный интерес к трактату Васубандху объяснялся как минимум тремя обстоятельствами. Во-первых, «Абхидхармакоша» суммировала в себе итоги исторического развития буддийской канонической философии как неотъемлемой компоненты историко-философского процесса в Индии эпохи древности и раннего средневековья. Именно в этом крупномасштабном тексте и обрела свое завершение теоретическое истолкование та совокупность идей, которая образует концептуальный каркас Трипитаки — санскритской версии буддийского канона, получившей распространение на Дальнем Востоке и в Тибете. Во-вторых, «Абхидхармакоша» входила в состав региональных канонических сводов — в так называемую китайскую Трипитаку и тибето-буддийский канон. И наконец, в-третьих,

к 1917 г. была обнаружена неполная уйгурская версия памятника, и эта находка рассматривалась как первостепенная научная сенсация.

Таким образом, прославленное творение Васубандху могло по праву считаться наиболее репрезентативным источником и для изучения буддийской канонической философии, и для исследования процесса ее рецепции за пределами Индии.

В дополнение к сказанному важно отметить и исчерпывающую полноту философской проблематики в «Абхидхармакоше». Об этом свидетельствует даже простой перечень названий восьми ее разделов: «Учение о классах элементов» (т.е. о составе человека — динамической структуре потока индивидуальной психосоматической жизни), «Учение о психических способностях» (факторах, обуславливающих функционирование сознания), «Учение о мире», «Учение о карме» (человеческой деятельности, продуцируемой сознанием), «Учение об аффектах» (ущербной мотивации, удерживающей сознание в оковах страдания и препятствующей истинному постижению реальности), «Учение о пути Благородной личности» (теоретический анализ религиозных практик, направленных на устранение аффектов), «Учение о знании» и «Учение о созерцании» (типология состояний сознания, ведущих к осуществлению высшей цели религиозной жизни).

Указанная структура проблематики в полном объеме соответствует третьему разделу буддийского канона — Абхидхарма-питаке (два другие — Сутра- и Виная-питака). Именно в силу этого трактат Васубандху и был назван «Абхидхармакоша», т.е. «Энциклопедия Абхидхармы», или «Энциклопедия буддийской канонической философии».

Способ изложения материала, зафиксированный в памятнике, соответствовал традициям обучения в буддийских образовательных центрах — монастырях-университетах. Важнейшие теоретические положения преподавались в форме *карик* — предельно лаконичных высказываний, составляющих в своей совокупности экспозицию философской системы. А каждая карика в отдельности сопровождалась устным разъяснением, включавшим элемент теоретической дискуссии, — *бхашьей*. Материал, включенный Васубандху в бхашью, не только служил комментаторским целям, но и воспроизводил воззрения различных буддийских школ и методы веде-

ния спора с оппонентами буддизма. Этот материал представлял для исследователей поистине огромную ценность, поскольку позволял реконструировать тот общеиндийский философский контекст, в котором развивалась буддийская теоретическая мысль со времени ее зарождения.

Говоря о проекте Ф.И. Щербатского, следует указать и на то обстоятельство, что санскритский оригинал «Абхидхармакоши» считался вплоть до 1935 г. безвозвратно утраченным. Работу планировалось вести по переводным версиям — двум китайским (Парамартхи и Сюань Цзана), тибетской и вновь обнаруженной уйгурской, а также на основе позднейшего санскритского комментария Яшомитры (IX в.) — «Спхутартха-абхидхармакоша-вьякхья». Все эти письменные памятники нуждались в предварительном текстологическом анализе и издании, так как не были введены в научный оборот. Решение этой проблемы требовало привлечения коллективных усилий, и поэтому Ф.И. Щербатской формулировал проект изучения «Абхидхармакоши» как международную исследовательскую программу. Готовность участвовать в ней подтвердили выдающиеся ученые первой половины XX в. — С. Леви, У. Огихара, Л. де ла Валле Пуссен, Д. Росс и талантливый ученик Ф.И. Щербатского О.О. Розенберг.

Общее описание исследовательских задач проекта было опубликовано в XX томе серии «Bibliotheca Buddhica», на базе которой и замышлялось его осуществление. Издание тибетского перевода карик и бхашьи брал на себя Ф.И. Щербатской, первой главы комментария Яшомитры — С. Леви, второй и последующих — У. Огихара. Издателем уйгурского перевода должен был выступать Д. Росс, а обоих китайских — У. Огихара.

Переводы на европейские языки распределились следующим образом. Французский перевод комментария Яшомитры закреплялся за С. Леви, а китайской версии карик и бхашьи — за Л. де ла Валле Пуссенем, работавшим с текстами Парамартхи и Сюань Цзана. Русский перевод карик и бхашьи с тибетского планировал выполнить сам Ф.И. Щербатской, и он же в тандеме с О.О. Розенбергом намеревался осуществить английский вариант перевода с учетом результатов работы своего ученика с дальневосточными (в том числе японскими) источниками. На О.О. Розенбер-

га возлагалось также составление систематического обозрения философской проблематики «Абхидхармакоши».

Полностью завершил свою часть проекта только Л. де ла Валле Пуссен. Но выполненный им перевод карик и бхашьи имел некоторую специфику — выявив значительную часть философского понятийно-терминологического аппарата путем сопоставления китайских версий «Абхидхармакоши» и комментария Яшомитры, ученый предпочел не переводить эту терминологию на французский язык. Таким образом, во французском тексте весь буддийский понятийный тезаурус оказался представленным посредством транслитерированных санскритских калек.

О.О. Розенберг блестяще справился с исследовательской задачей. Подготовленная им монография «Проблемы буддийской философии» послужила в истории науки подлинным началом историко-философского изучения буддийского письменного наследия.

Ф.И. Щербатской издал в 1917 г. первую главу тибетского перевода «Абхидхармакоши», а первую половину второй — в 1930 г. Совместно с С. Леви он в 1918 г. подготовил к изданию первую главу комментария Яшомитры, а вторую — совместно с У. Огихарой. Кроме того, в 1923 г. Ф.И. Щербатской опубликовал свою небольшую по объему монографию «Центральная концепция буддизма и значение слова „дхарма“», проблематика которой всецело связана с трактатом Васубандху.

Однако полный перевод «Абхидхармакоши», который включал бы в себя и интерпретацию философской терминологии, так и не был выполнен. Это объясняется в первую очередь невозможностью полноценного разрешения данной задачи при отсутствии санскритского оригинала.

Но это стало вполне очевидным только после его обнаружения Рахулой Санкритьяной (1935 г., древлехранилище тибетского монастыря Нгор) и публикации П. Прадханом в 1967 г. Санскритский оригинал важен прежде всего тем, что философская проблематика излагается в нем в русле исторически сложившейся терминологии, сохранившей содержательную и смысловую связь с более ранними пластами буддийской традиции, т.е. в форме, свободной от инокультурных (неиндийских) семантических наслоений.

С учетом всего этого и следует, на мой взгляд, оценивать возрождение на новом

уровне проекта Ф.И. Щербатского, осуществленное В.И. Рудым и Е.П. Островской, как сугубо приоритетное направление современных буддологических исследований.

Рецензируемая монография предлагает вниманию читателей комментированный перевод пятого и шестого разделов «Абхидхармакоши» («Учение об аффектах» и «Учение о пути Благородной личности»). Переводу предпослано исследование, раскрывающее структуру и содержание проблематики.

Особенность, отличающая рассматриваемую книгу от предшествующих публикаций переводов В.И. Рудого и Е.П. Островской — первого и второго разделов «Абхидхармакоши» (М.: Ладомир, 1998), а затем третьего и четвертого (М.: Ладомир, 2000), состоит прежде всего в том, что ее читательская аудитория не ограничивается сравнительно узким кругом специалистов, владеющих санскритом. Интересы подобных специалистов с лихвой обеспечены богатейшим материалом, введенным в комментаторские статьи, — экспликацией оригинальной терминологии, многочисленными извлечениями из репрезентативных буддийских источников, разъяснением предметной области и философской семантики терминов.

Исследование ориентировано и на востоковедов, и на историков философии, религиоведов и культурологов. В нем, насколько это возможно, учитывая сложность предмета, дается простая и ясная (но неупрощенная), реконструкция воззрений буддийских школ на процесс реализации высшей цели религиозной жизни — вступление в Нирвану. Терминология приводится в русской транслитерации и только в тех случаях, когда ее отечественные аналоги заведомо отсутствуют.

Знакомство с монографией Е.П. Островской и В.И. Рудого способно существенно изменить устоявшееся в науке представление о том, что «Энциклопедия буддийской канонической философии» Васубандху является произведением, всецело укладываемым в рамки буддизма хинаяны и преимущественно излагающим воззрения таких классических ее школ, как кашмирская вайбхашика и саутрантика. Как показывают перевод и комментарий, большая часть той проблематики, которая традиционно считается вкладом махаяны в развитие буддийской религиозно-философской мысли, рассматривается Васубандху именно в аспекте ее канониче-

ского генезиса. Теперь с уверенностью можно утверждать, что автор «Абхидхармакоши» придерживался целостного взгляда на буддизм, стремясь подчеркнуть в нем отчетливые признаки *экаяны* («единой колесницы») — принципиального мировоззренческого единства.

Насколько мне известно, в настоящее время первый комментированный перевод санскритского оригинала «Абхидхармакоши» Васубандху на европейский (русский) язык В.И. Рудым и Е.П. Островской полностью выполнен. Публикация перевода седьмого и восьмого разделов трактата планируется в Издательстве Санкт-Петербургского государственного университета, выпустившем в свет рассматриваемую в этой рецензии книгу весьма качественно в полиграфическом отношении. Хочется надеяться, что публикация новых переводов состоится в самом ближайшем будущем и тем самым ознаменует окончательное завершение грандиозного исследовательского проекта, задуманного Ф.И. Щербатским.

М.И. Воробьева-Десятовская

Санкт-Петербург — Китай. Три века контактов. СПб.: Европейский дом, 2006. — 340 с. ил.

Сборник статей «Санкт-Петербург — Китай. Три века контактов» посвящен 300-летней истории контактов Санкт-Петербурга и Китая и был подготовлен к Неделе Санкт-Петербурга в Шанхае, прошедшей в апреле 2006 г. в рамках Года России в Китае, а также к Неделе Шанхая в Санкт-Петербурге, намеченной на 2007 г. Сборник подготовлен Комитетом по внешним связям правительства города под редакцией председателя Комитета А.В. Прохоренко (руководитель проекта С.Б. Коренева). Авторы статей ставили своей задачей показать историю развития политических и культурных отношений столицы Российской империи с Китаем, познакомить с деятельностью выдающихся востоковедов в изучении Поднебесной, формированием китайских коллекций в различных научных и художественных собраниях Петербурга.

Обзорная статья А.М. Решетова «Китайцы в Санкт-Петербурге (фрагменты истории)», открывающая сборник (с. 1–24), представляет собой исторический очерк, в котором рассказывается о появлении в Петербурге китайской диаспоры, первых китайских посольств, о преподавателях Санкт-Петербургского университета и переводчиках Азиатского департамента МИД, а также о судьбах китайцев, проживавших в Петрограде во время и после революционных событий 1917 г. Политическая жизнь страны коснулась и китайской общины, которая пережила периоды культурного подъема с 1928 по 1937 г., репрессии 1937 г. и ленинградскую блокаду.

Несколько статей посвящены китайским коллекциям в петербургских собраниях. Собрание Кунсткамеры отражено в статьях Н.П. Копаневой «Рукописные каталоги Кунсткамеры о китайских коллекциях второй половины XVIII в.» (с. 25–35), В.Н. Кислякова «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН — одно из крупнейших хранилищ китайских этнографических коллекций» (с. 36–43) и в переиздаваемой статье Р.Ф. Итса «Первые китайские коллекции в России», подготовленной в память о нем (с. 43–48). В очерке М.Л. Меньшиковой «Китайские коллекции при дворе в Петербурге и императорском Эрмитаже в XVIII веке» (с. 49–57) прослеживается не только история появления китайских вещей у российских императоров, но и их судьба в тех случаях, когда предметы китайского искусства использовались в качестве подарков европейским государям.

Предметам искусства, хранящимся в других петербургских музеях, посвящены статьи Л.Ф. Федоровской «К истории петербургской коллекции китайских музыкальных инструментов» (с. 106–119), Л.Г. Лельчук «Китайская коллекция в Российском этнографическом музее» (с. 120–126), С.А. Ходаковской и В.М. Ушаковой «Китайская коллекция Государственного музея политической истории России» (с. 272–288). В них описываются коллекции, которые малознакомы востоковедам, привыкшим работать с материалами общеизвестных восточных собраний. Фактически вещи, упоминающиеся в данных статьях, в свое время были или не переданы в восточные отделы Эрмитажа и Кунсткамеры, или приобретены позднее — в начале XX в. Рукописное наследие библиотеки и музея Импе-